

Материалы к биографиям ученых и инженеров

От редакции

Семен Ефимович Резник, член Союза писателей СССР с 1976 г., после эмиграции в 1982 г. работает в журнале «Америка»; автор ряда биографий русских ученых, в том числе основанной на богатых архивных материалах книги «Николай Вавилов», изданной в серии ЖЗЛ в 1968 г. (Впоследствии он напечатал к ней дополнение: Резник С. Дорога на эшафот. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1983.) Не отрицая заслуг авторов других работ, можно сказать, что книга Резника — до сих пор лучшая биография Н. И. Вавилова. Появление ниже публикуемой статьи связано с реанимированием старой полемики по поводу сенсационного, но в то же время необоснованного предположения, будто бы Н. И. Вавилов был инициатором выдвижения Т. Д. Лысенко. Такова версия, предложенная в повести М. А. Поповского «1000 дней академика Вавилова» («Простор», 1966), тотчас же раскритикованная Ж. А. Медведевым в «Новом мире». В. Н. Сойфер, начиная с публикации в «Огоньке» в 1988 г., пошел по этому пути дальше, утверждая, что Вавилов якобы сам виновен в своей гибели и в разгроме генетики, и развивая версию Поповского, а также основную идею книги академика Н. П. Дубинина «Вечное движение» (Политиздат, 1973), написанной на гребне волны ресталинизации бывшим критиком Лысенко—Презента для оправдания политики партии и правительства в отношении генетики и лысенковщины. Фактические основания версии Сойфера были раскритикованы Э. Д. Маневич («Nature», 1990; ВИЕТ, 1991). Статья же С. Е. Резника интересна тем, что в ней автор, в отличие от других оппонентов Поповского и Сойфера, не только критикует их ложные построения, но и представляет оригинальную версию взаимоотношений Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко в политическом контексте эпохи.

СЕМЕН РЕЗНИК (США)

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВАВИЛОВЕ И ЛЫСЕНКО

Заодно с гением

«Николай Иванович — гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник». Эти слова Д. Н. Прянишникова, сбереженные для нас Л. П. Бреславец [1, с. 33], многократно повторялись биографами Н. И. Вавилова, но их можно повторять снова и снова.

Вклад Вавилова в науку огромен. Однако еще большее значение имеет его нравственный подвиг. Мягкий, деликатный, доброжелательный, уступчивый, Николай Иванович обнаружил огромную твердость духа, когда ему пришлось вести неравный бой за научную истину. «Я борюсь прижатый к стене, но я никогда не сдамся», — писал Вавилов в 1938 г. своему другу, американскому ученому Харланду [2 с. 204]. А годом позже сказал с трибуны: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся» [3, с. 10]. И пошел на костер. Самопожертвование Вавилова во имя истины навсегда останется в истории, как подвиги Сократа, Христа, Джордано Бруно...

В августе 1955 г. Николай Иванович был официально реабилитирован, но наука, ради которой он погиб — классическая генетика, продолжала считаться буржуазной лженаукой. Только после падения Хрущева возникли условия, при которых правда о Вавилове и Лысенко могла бы стать достоянием гласности. Но с конца 1966 г. материалам о сталинских репрессиях все труднее удавалось пробиваться в печать, и вскоре всякое упоминание о них сделались невозможным. Снова был наложен запрет на критику Лысенко и даже на упоминание его имени. Похолодание особенно усилилось в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Ж. Медведев так и не смог издать на родине свою книгу — она вышла в США [4].

Недоступны были советскому читателю и работы западных исследователей лысенковщины. Написанная мною биография Вавилова [3] вышла в серии ЖЗЛ (1968) г. с большими цензурными изъятиями, но даже в таком виде она была признана «идеологически вредной». 90 процентов ее стотысячного тиража по личному указанию Суслова около года находились под арестом (книги лежали в опечатанной комнате типографии). Тем не менее в печати появилось немало публикаций о трагической судьбе генетики в СССР. Внимание привлекла повесть М. Поповского «1000 дней академика Вавилова» [5].

К сожалению, автор искажил истинный характер отношений между Вавиловым и Лысенко. Он изобразил дело таким образом, будто Вавилов — вопреки сопротивлению других видных ученых — всячески выдвигал Лысенко, помогал ему утвердиться в науке и приобрести небывалое могущество. Смысл повести свелся к тому, что Вавилов в значительной мере сам повинен в собственной гибели и в разгроме генетики. Ж. Медведев в статье «У истоков биологической дискуссии» [6] убедительно показал несостоятельность этой версии. Несмотря на это, в книге «Дело академика Вавилова» [7], ни словом не возразив на критику, Поповский с еще большей энергией по-прежнему настаивал на своей версии. Он выдвинул против Вавилова и другие обвинения: Николай Иванович верно служил тоталитарному режиму, поддержал губительную для страны коллективизацию, слишком быстро «раскололся» на следствии...

Я не сторонник апологетических биографий: считаю вслед за И. И. Мечниковым, что в «биографиях не следует умалчивать ни о чем дурном». Но одно дело — не умалчивать о слабостях, недостатках, ошибках великого человека, и другое — приписывать ему мнимые ошибки. Осудить гения из обывательских представлений нетрудно. Но это значит оглупить великого человека, исказить историю, подменить драму фарсом. Только став «заодно с гением», по выражению Пушкина, можно понять динамику отношений Вавилова и Лысенко, увидеть историческую неизбежность той трагедии, которая разыгралась в советской биологической науке.

Столетний юбилей Вавилова, совпавший с началом гласности, вызвал к жизни целое море публикаций в сотнях самых разных изданий. Юбилейная волна вынесла на берег немало материалов, имеющих большую ценность. К сожалению, большинство авторов либо обошли вниманием начальный период взаимоотношений Вавилова и Лысенко, либо повторили версию Поповского. Даже в юбилейном докладе президент ВАСХНИЛ А. А. Никонов заявил: «На первых порах он (Вавилов. — С. Р.) оказывал поддержку в начинаниях молодого агронома Лысенко, содействовал его росту, даже рекомендовал в академики АН УССР и члены-корреспонденты АН СССР, исходя из самых лучших надежд» [11]. Тот же мотив звучал и у академика А. Л. Тахтаджяна: «Как ни парадоксально, возвышению этого лжеученого и авантюриста (Лысенко. — С. Р.) в значительной степени способствовал и сам Вавилов...

* См. например, [8, 9], а также оригинальные публикации воспоминаний и документов в периодической печати (в «Природе», «Науке и жизни», «Неделе» и др.). Весьма содержателен небольшой очерк Е. Альбац «Гений и злодейство» [10].

Карьера Лысенко в эпоху сталинизма была обеспечена. Но по иронии судьбы быстрой карьере этого человека опять-таки способствует и Вавилов. В 1932 году он посылает письмо президенту АН УССР А. А. Богомольцу с просьбой избрать Лысенко членом-корреспондентом, а в 1933 году даже ходатайствует о присуждении ему премии. Более того, в 1934 году Вавилов предлагает избрать Лысенко членом-корреспондентом Академии наук СССР» [12]. Эта же мысль стала ключевой в статье В. Соифера «Новый взгляд на эру Лысенко», опубликованной в английском научном журнале «Nature» [13]. Так миф вошел в сознание не только обывателей, но и ученых. Получается, что если бы Н. И. Вавилов не сплеховал в начале 30-х гг., если бы не пошел наперекор коллегам, то глядишь, все было бы иначе...

Как творится легенда

В статьях, письмах и выступлениях Вавилова можно найти ряд положительных высказываний о некоторых аспектах ранних работ Лысенко. Однако для подтверждения своей версии М. Поповскому этого недостаточно, поэтому он широко использует и произвольно истолковывает весьма сомнительную, а то и недостоверную информацию. Вот один из примеров.

Многолетний друг Николая Ивановича, его одноклассница по Петровской академии, Лидия Петровна Бреславец, в интервью, данном незадолго до смерти, сообщила радиожурналистке А. Г. Хлавна: «Николай Иванович сам втягивал Лысенко на высоту. Вот как-то раз я была на ученом заседании в тридцать четвертом году, когда Николай Иванович говорил: «Мы сейчас попросим (выступить), есть такой молодой человек, подающий большие надежды, ученый Лысенко». Лысенко себя тогда уже держал так, что мы не выдержали и сказали Николаю Ивановичу — это страшно, зачем он так его тянет кверху...» [7, с. 92].

Это высказывание Поповский приводит без всякой критики, между тем оно совершенно абсурдно: в 1934 г. слава 36-летнего Лысенко уже гремела по всей стране; назвать его «молодым человеком, подающим надежды», можно было только в насмешку. И в любом случае эта информация не могла исходить от Бреславец. Я имел возможность познакомиться с рукописным (доцензурным) вариантом ее воспоминаний и могу засвидетельствовать, что о «втягивании» Вавиловым Лысенко на научный Олимп в них не говорилось. Кроме того, мне довелось много раз беседовать с Лидией Петровной. Ни слова о том, будто Вавилов «втягивал» Лысенко, я от нее не слышал. Не говорила она ничего подобного и Поповскому, который тоже встречался с ней, иначе он сослался бы непосредственно на свою собеседницу.

Вот еще одно документальное «доказательство» Поповского:

«Мы располагаем документом (да, снова документом), который позволяет судить, насколько искренним и даже горячим был у Вавилова интерес (к яровизации. — С. Р.). Я имею в виду так называемую Академическую записную книжку Н. И. Вавилова за 1934 год. Здесь на странице 151, среди сугубо личных пометок, совершенно не предназначенных для чужих глаз, можно прочитать следующие набросанные карандашом строки:

«4 — 5.000.000 пуд прибавки от яровизации... картофель... Яровизация светом... Лысенко яровизировал комплексом низких t° — (температур). Условия развития растений требуют везде фактора низких температур...». (Выделено везде Вавиловым. — М. П.).

На другой странице среди плохо разбираемых записей снова:

«Яровизация Лысенко...

Работать...

Генетика вегетационный период

Управление формообразованием

Широкий простор».

Наконец на странице 189 той же книжки читаем: «Яровизация широких ресурсов — новый метод растениеводства». Здесь уже не просто констатация фактов, а целая программа действий, которую Николай Иванович намечает для советской агрономической науки. Эти сделанные в разное время записи говорят нам еще об одном: с каким живым личным вниманием академик Вавилов приглядывался в те годы к творцу яровизации» [7, с. 93].

Характер процитированных Поповским отрывков показывает, что это краткие пометки по ходу чьих-то выступлений. Судить о том, в каком случае Вавилов фиксировал собственную мысль, а в каком — чужую, можно только после глубокой аналитической работы. Но этим Поповский себя не утруждал. Цитируемый документ им даже полностью не прочитан: другие записи в той же книжке «плохо разбираемы».

Произвольная интерпретация документов позволяет делать ему еще более произвольные обобщения: «Постоянное возвеличивание (Вавиловым. — С. Р.) заслуг одесского растениевода вскоре дало свои плоды: на Лысенко обратили внимание высокие должностные лица. В Одессу зачастили гости из столицы Украины, а потом и из Москвы... Народный комиссар земледелия СССР Я. А. Яковлев даже предоставил ему своеобразную привилегию: Лысенко мог по любому поводу обращаться лично к наркому...» [7, с. 91].

Так выстраивается линия: Вавилов первым обратил внимание на работы Лысенко, стал его возвеличивать, рекомендовал партийно-советскому руководству, благодаря чему тот получил поддержку украинских, а затем и центральных властей. Как же было на самом деле?

Лысенко до встречи с Вавиловым

Трофим Денисович Лысенко родился в 1898 г. в деревне Карловка Полтавской губернии. В 15 лет он окончил двухклассную деревенскую школу, потом учился в низшей садоводческой школе в Полтаве и в Училище земледелия и садоводства в Умани. В 1920 г. Лысенко начал работать в деревне Верхнячка на селекционной станции Главсахаротреста, а в 1922-м стал заочником Киевского сельскохозяйственного института. После его окончания в 1925 г. Лысенко был направлен на работу в Азербайджанскую центральную опытно-селекционную станцию в Гяндже (позднее Кировабад).

В то время опытную станцию в Гяндже возглавлял Н. Ф. Деревницкий, близкий друг директора Туркестанской селекционной станции (под Ташкентом) Г. С. Зайцева, выдающегося селекционера и знатока хлопчатника. Зайцев изучал культуру комплексно: как систематик, географ, генетик, селекционер, агроном. Деревницкий часто навещался в Ташкент к Зайцеву, а Зайцев наезжал в Гянджу, где был опорный пункт его станции.

Деревницкий обратил внимание на применявшуюся Зайцевым методику определения оптимальных сроков посева хлопчатника: одни и те же сорта высевались через каждые десять дней в течении полутора—двух месяцев. Начиная засеивать делянки в заведомо ранние сроки и заканчивая в заведомо поздние, Зайцев вел наблюдение за ростом, развитием, цветением, плодоношением растений, фиксируя при этом тепловой и водный режимы, количество вносимых удобрений и т. п. и сопоставляя полученные данные. Повторяя опыты несколько лет подряд, он устанавливал оптимальные сроки посева для каждого сорта в каждой климатической зоне.

Понимая, что эта методика может быть применена и к другим культурам, Деревницкий задумал эксперименты с бобовыми. По его представлениям, в мягком азербайджанском климате бобовые могли расти и зимой, когда поля пустуют. Выросшая к весне зеленая масса могла пойти на корм скоту или запахиваться как удобрение. Проверить эту идею он и предложил новому сотруднику.

На протяжении двух лет Трофим Лысенко каждые десять дней высевал одни

и те же сорта не только бобовых, но и злаковых, а также хлопчатника. Он столкнулся с явлением, которое его поразило, так как оно разрушало привычные представления о том, что, чем больше тепла, тем быстрее растет и плодоносит растение. Оказалось, что если растение не развивается определенное время при низких температурах, то дальнейшее его развитие замедляется и это растение может вообще не дойти до стадии цветения и плодоношения. Правда, это явление еще в прошлом веке описал немецкий ученый Гаснер, а в 1923—1925 гг. его детально исследовал проф. Н. А. Максимов, заведующий отделом физиологии Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, возглавляемого Вавиловым. Применительно к хлопчатнику то же явление наблюдал и Зайцев. Но Лысенко не был знаком с научной литературой. Сделанное им самостоятельно открытие произвело на него ошеломляющее впечатление.

Летом 1927 г. корреспондент «Правды» В. Федорович, будучи на Кавказе, заглянул в Гянджу и посетил опытную станцию, где познакомился с Лысенко. «Босоногий профессор» вызвал у него «ощущение зубной боли»: «И на слово скупой, и лицом незначительный — только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто по крайней мере собрался он кого-нибудь укутать» [14]. Несмотря на немногословие собеседника, журналист все же сумел понять поставленную перед агрономом задачу. Он написал, что Лысенко «решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрительных и минеральных туков, обзеленения пустыющих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи и крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день» [14].

На сенсационную статью обратили внимание многие. Заинтересовался работами начинающего специалиста и Николай Иванович Вавилов. Он направил в Гянджу молодого сотрудника отдела бобовых культур Н. Р. Иванова. Вернувшись, тот сообщил, что главные интересы Лысенко вовсе не в том, чтобы сеять бобовые зимой, а как раз наоборот: он мечтает озимые хлеба сеять весной. Иванов охарактеризовал Лысенко как энергичного и увлеченного, но малообразованного работника, который вряд ли сможет чего-то добиться без должного научного руководства и благоприятной среды. Возникла идея пригласить Лысенко на работу в Институт прикладной ботаники, но против этого выступил Н. А. Максимов, который тогда должен был стать его непосредственным руководителем. Вавилов не стал конфликтовать с одним из ведущих своих сотрудников, и идея не была осуществлена.

Летом 1928 г. Вавилов объезжал опытные станции своего института и других сельскохозяйственных учреждений. По утверждению Поповского, он посетил и Гянджу, где впервые встретился с Т. Д. Лысенко. Это мнение перекочевало и в другие работы по истории генетики (см., например, [15, с. 531], однако не подтверждается документами. Если такая встреча и состоялась, то она была мимолетной и никаких последствий не имела. Важнее другое: в 1928 г. отдельной книгой вышла в свет работа Лысенко «Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растений» [16], которая выделила молодого агронома из большого числа начинающих исследователей. В январе 1929 г. по инициативе Вавилова в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. М. Поповский и В. Сойфер считают, что приглашение Лысенко на этот съезд было знаком особой милости к нему со стороны Вавилова и послужило стартом его научно-политической карьеры. Однако съезд был задуман как смотр всей сельскохозяйственной науки. В нем участвовало более полутора тысяч работников, включая начинающих ученых и даже стажеров. Не пригласить на такой съезд Лысенко не было никаких оснований, и нет данных о том, что Вавилов лично посылал ему приглашение. Сообщение Лысенко прошло почти незамеченным. Выступил по нему только Н. А. Максимов, который указал, что данные молодого ученого совпадают с теми, что давно известны науке.

Н. И. Вавилов как председатель оргкомитета съезда опубликовал о нем несколько небольших заметок и интервью. Известно семь таких публикаций. В первой из них, написанной еще до открытия съезда, упоминался и Лысенко [17]. Однако в последующих публикациях — видимо, в связи с тем, что доклад агронома из Гянджи не оправдал ожиданий — Вавилов его имени не называл.

«Год великого перелома»

Возвращаясь из Ленинграда, Трофим Лысенко заехал в родную деревню и уговорил отца-крестьянина провести опыт в своем хозяйстве. Денис Лысенко намочил семена озимой пшеницы в теплой воде, дал им набухнуть и слегка прорости, а затем ссыпал в два мешка и закопал в снег, где они пролежали около двух месяцев. Когда наступила пора весеннего сева, он наряду с яровыми посеял выдержанные под снегом озимые. Злые языки потом говорили, что он просто спрятал два мешка пшеницы от реквизиции, но зерно случайно намочило и проросло, и старику пришлось его высеять, дабы не пропало добро. Конечно, это легенда. Никакой крестьянин не стал бы сеять озимые весной, если бы не имел определенного замысла.

Озимая пшеница своевременно выколосилась и дала хороший урожай. 10 июля, до начала уборочной страды, Денис Лысенко, прихватив образцы растений, отправился в Харьков (тогдашнюю столицу Украины) и явился прямо в Наркомат земледелия.

В предидущие два года (1927-й и 1928-й) зима на Украине была неблагоприятной, отчего сильно пострадали озимые. Между тем в стране был взят курс на индустриализацию, увеличивалась потребность в хлебе для растущего городского населения, росли планы хлебозаготовок, и выполнять их надо было любой ценой. Наркомзем проводил совещания; на них обсуждали, как обеспечить устойчивые урожаи озимых. Но обещания ученых вывести зимостойкие сорта относились лишь к отдаленному будущему. И вдруг все оказалось проще пареной репы: крестьянин Денис Лысенко держал в руках снопок озимой пшеницы, посеянной весной!..

Комиссия республиканского Наркомзема ознакомилась с чудо-пшеницей на месте. Урожай оказался не 30 центнеров с 1 га, как говорил Денис Лысенко, а только 24, но и это было значительно выше среднего урожая яровых (10 центнеров с 1 га). Инициатора эксперимента Трофима Лысенко пригласили в Харьков сделать доклад, после чего для него срочно создали отдел яровизации в Украинском институте селекции и генетики в Одессе, которым руководил проф. А. А. Сапегин. Без консультаций с учеными Наркомат постановил уже следующей же весной засеять озимой пшеницей, обработанной по методу Лысенко, 1 000 га земли. Сенсационные сообщения о замечательном открытии отца и сына Лысенко появились во многих газетах, в том числе и в «Правде».

Только в ноябре 1929 г. «Сельскохозяйственная газета» провела дискуссию по вопросам яровизации. Высказывания видных ученых — Н.М. Тулайкова, Н. А. Максимова, А. А. Сапегина, П. И. Лисицына и других — различались по тону, но по содержанию в основном были одинаковы. Положительно оценивая идею дальнейшего углубления исследований по воздействию низких температур на вегетацию растений, внедрение метода яровизации в практику они считали преждевременным. Но внедрение уже началось. Поэтому неудивительно, что в той же газете вскоре появилась очень агрессивная статья за подписью «Наркомзем Украины», которая обвинила оппонентов Лысенко в том, что они не знают, о чем говорят.

Какую же роль на этом первоначальном и потому самом критическом этапе карьеры Лысенко сыграл «первый агроном страны» Николай Иванович Вавилов? Ответ прост: никакой. Ни об опыте в хозяйстве Дениса Лысенко, ни о том, что за этим последовало, Вавилов не имел ни малейшего понятия, так как

еще в июне 1929 г. отправился в Дальневосточную экспедицию (Западный Китай, Формоза (Тайвань), Япония и Корея). Вернулся он из нее только 22 декабря.

Я так подробно остановился на ключевых моментах начала карьеры Лысенко, которые произошли в отсутствие Вавилова, потому что В. Сойфер лишь вскользь упоминает, что летом 1929 г. Лысенко удалось организовать сенсацию, но не пишет о том, в чем именно она состояла, а М. Поповский эти события вообще опускает, перенося действие с января 1929 г. сразу на 1931 г. Такая селекция фактов напоминает методы зрелого Лысенко.

Коллективизация и яровизация

В Одессе Лысенко подготовил и стал рассылать по только что созданным колхозам инструкцию о предпосевной обработке семян. Наркомзем Украины всячески способствовал этому начинанию и обязывал земельные органы на местах внедрять рекомендации Лысенко. О новаторе доложили в Москву, и его поддержал нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев. Яровизация приобрела характер всесоюзной политической кампании. В колхозах и совхозах срочно создавали хаты-лаборатории, отыскивали «передовиков», которые в этих хатах мочили семена и затем до посева выдерживали их при низкой температуре, руководствуясь лысенковской инструкцией. Под яровизированные семена отводили самые хорошие земли; эти участки лучше обрабатывали, удобряли; за посевами велся особенно тщательный уход. Нередко в помощь яровизаторам направляли сотрудников опытных учреждений. Их отрывали от научной работы, чтобы обеспечить успех яровизации.

Результаты экспериментов стекались к Лысенко со всей страны, но отсутствие контрольных посевов обесценивало эти данные. Впрочем, и такие результаты не подвергались статистической обработке. Лысенко рапортовал об отдельных примерах хороших урожаев, полученных якобы благодаря яровизации, а все неудачи относил на счет неправильного выполнения инструкции. Он требовал распространить свой агроприем на все 100 млн га земли, отведенной под посевы зерновых, заявляя, что если яровизация даст прибавку только в один центнер с гектара, то страна получит дополнительно 100 млн. центнеров зерна. Ну, а если не даст?.. Сама постановка такого вопроса была равносильна вылазке классового врага.

В 1931 г. агроном Лысенко был награжден орденом Трудового Красного Знамени, что означало официальное признание его выдающихся заслуг перед государством. (Ордена в те годы раздавались отнюдь не так щедро, как впоследствии: ни Вавилов, ни кто-либо другой из ученых биологов таких наград не имел.)

В 1932 г. по приказу Наркомзема под яровизированные посевы было отведено 200 тыс. га, а к 1937 г. эта цифра была доведена (по крайней мере, по официальному данным) до 10 млн га. «Бюллетень яровизации», который Лысенко начал издавать в 1932 г., а затем журнал «Яровизация» (с 1935 г.) рекламировали опыт «передовиков». Таково было лицо новой, «социалистической» науки, противопоставленной традиционной, «буржуазной». Реальные результаты никого не интересовали. Требовался охват, массовость, победные рапорты. Успехи яровизации символизировали успехи колхозного строя. Усомниться в пользе яровизации означало почти то же самое, что усомниться в правильности курса на социалистические преобразования в деревне, да и в социализме вообще. В 1935 г. на Втором съезде колхозников-ударников Лысенко заявил: «В нашей советской сельскохозяйственной науке день за днем развивается коллективность в работе. Растет связь теории с практикой. В самом деле, кто разработал научные основы яровизации? Я в этом деле участвовал и знаю, кто еще в нем принимал участие. Может быть, их разработал Яков Аркадьевич Яковлев? Потому что, если бы он в 1930 году не подхватил этого вопроса в зародыше, не было бы в таком виде и в такой форме яровизации»

на сегодняшний день, как мы ее имеем. Может быть, автор этого дела Родионов А. Д., который работает сейчас в лаборатории, молодой парень, 30 лет, рабочий, лучший знаток и настоящий специалист этого дела? Он как раз ведаёт всеми колхозными опытами в этой части. Может быть, это Лысенко, тот Лысенко, который перед вами, ученый Лысенко? Может быть, это колхозники создали ее, потому что и в этом году 25 тысяч колхозников участвовали в этом деле? Будет правильно на все эти вопросы ответить так: не имели бы мы яровизации без Якова Аркадьевича Яковлева, без А. Д. Родионова, без Лысенко. А все это вместе — наша советская действительность, наша колхозная действительность» [18].

Каково же было отношение Вавилова к начинанию Лысенко? В сентябре 1931 г. он выступил на совещании в Наркомземе с обширным докладом под названием «Новые пути исследовательской работы по растениеводству». Доклад охватывал все основные аспекты этой проблемы, включая и ускорение вегетации растений. Пионерами в этой области науки Вавилов назвал американских ученых Алларда и Гарнера, которые установили связь между длиной вегетационного периода и продолжительностью светового дня. В качестве примера он указал работы к тому времени умершего Г. С. Зайцева. (Искусственно укорачивая световой день, он заставил плодоносить тропический многолетний хлопчатник.) И в этом же ряду Вавилов назвал работы Лысенко, которые давали еще один метод управления длиной вегетационного периода. По мнению Вавилова, этот метод облегчал вовлечение в селекцию некоторых сортов из мировой коллекции растений, обычно не вызревающих в климатических условиях Советского Союза. В том же докладе Вавилов подчеркнул, что от яровизации не следует ждать немедленных результатов: «Пока мы еще не знаем, с какими сортами практически надо оперировать в каких районах. Еще не разработана самая методика предпосевной обработки посадочного материала. Еще нет оснований с полной гарантией идти в широкий производственный опыт».

Как видим, в оценке работ Лысенко Вавилов присоединился к тем, кто еще раньше высказался в «Сельскохозяйственной газете». Разница состояла только в том, что в 1929 г. участники обсуждения проблемы были уверены, что весь сыр-бор разгорелся из-за сенсации, раздутой газетами, тогда как в сентябре 1931 г. было уже хорошо известно, что «широкий производственный опыт» внедряется в сотнях колхозов и власти придают этому движению значение важной политической кампании.

Выступление Вавилова было прямым вызовом не только Лысенко, но и наркомму земледелия, тысячам «опытников», мочивших семена в хатах-лабораториях по всей стране, и в конечном счете — «нашей колхозной действительности», которую Лысенко называл истинным автором яровизации.

Нарком земледелия

Яков Аркадьевич Яковлев был типичным сталинским наркомом. В Наркомземе он пришел из Рабоче-крестьянской инспекции — одной из первых надежных вотчин Сталина. Не случайно наркомом земледелия он стал в год великого перелома, когда была начата сплошная коллективизация, проведение которой Сталин поручил партийному и государственному аппарату, ОГПУ, а в некоторых случаях — армии. По этим каналам спускались контрольные цифры на раскулачивание, реквизицию, депортацию, устанавливались сроки сплошной коллективизации. По этим же каналам шли наверх, к Сталину, рапорты о выполнении и перевыполнении страшных заданий. Исполнителю не думали о посеве и уборке, об урожае зерновых, о поголовье свиней и уходе за

* Цит. по: Социалистическое земледелие. 1931. 13 сент.

обобществленными лошадьми. Этой стороной дела как раз и занимались земельные органы, которые находились в ведении Наркомата земледелия. В то время как партийно-советский аппарат и ОГПУ разваливали сельское хозяйство, Наркомат земледелия обязан был обеспечивать его эффективность. Не видя иного пути для подъема разоренной, но согнанной в колхозы деревни, Яковлев обратился к ученым, благо в его подчинении оказалась целая Академия сельскохозяйственных наук. От них он ждал панацеи. Тогда-то и появился Лысенко, ученый-крестьянин, ориентированный на практику и бравшийся решить такие проблемы, перед которыми пасовала «буржуазная» наука.

Однако приписывать Яковлеву все зло лысенковщины и все ужасы войны против крестьянства (как это делают ныне публицисты журнала «Наш современник», злорадно подчеркивающие, что настоящая фамилия Яковлева — Эпштейн) так же нелепо, как и отрицать его активное участие в осуществлении сталинской политики.

Выдвигая Лысенко, Яковлев вовсе не стремился к расправе над Вавиловым и его школой. До 1935 г. он балансировал между двумя направлениями в науке. Даже после того, как Сталин в феврале 1935 г. на Втором съезде колхозников-ударников публично поддержал Лысенко («Браво, товарищ Лысенко, браво!») и стало ясно, что Вавилов в опале, Яковлев не спешил прикончить генетику. Только в январе 1937 г. он выступил с воинственной речью, в которой назвал генетику «служанкой ведомства Геббельса». Но это уже было судорожной попыткой выскользнуть из ежовых рукавиц, которые сжимали его все сильнее.

В 1937 г. А.Я.Яковлев (в то время уже заведующий сельхозотделом ЦК), М. А. Чернов (нарком земледелия) и А. И. Муралов (президент ВАСХНИЛ) были арестованы. Лысенко тотчас поспешил заявить, что все арестованные (перед которыми он еще недавно пресмыкался) во вредительских целях «недостаточно» поддерживали его. Новый сталинский нарком земледелия И. А. Бенедиктов уже не повторил этой ошибки. При Бенедиктове Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ и сразу же взял курс на ликвидацию Вавилова.

«Буржуазный» специалист

Для понимания динамики взаимоотношений Вавилова и Лысенко необходимо затронуть вопрос об отношении Вавилова к тоталитарному режиму, лояльность к которому Поповский и вслед за ним Сойфер ставят вне всякого сомнения. Их вывод нуждается в существенном уточнении.

Вавилов не имел тайных замыслов против советской власти, он честно работал на благо науки, старался быть полезным сельскому хозяйству своей страны и, следовательно, был лоялен к режиму в общепринятом смысле этого слова. Однако в тоталитарном коммунистическом государстве существуют особые критерии лояльности. Каждый человек здесь подозрителен, но особенно подозрительным считаются «классово чуждые элементы», к числу которых относился и Вавилов, как «буржуазный» ученый и сын эмигрировавшего капиталиста.

Поднимать разоренное хозяйство без специалистов было невозможно. А «свои», рабоче-крестьянские, специалисты отсутствовали. «Буржуазных» же спецов за годы гражданской войны и военного коммунизма изрядно поубавилось: значительная их часть погибла от голода и болезней или эмигрировала. Тем ценнее были оставшиеся. Но им не доверяли. И чем более высокий пост занимал такой спец, тем бдительнее был надзор.

Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур — с 1930 г. Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) — был одним из самых крупных научных учреждений страны. Кроме основной базы в Ленинграде, в него входила сеть опытных станций, государственная система сортоиспытания и семеноводства. До 1929 г. Вавилов руководил также Государственным институ-

том опытной агрономии, а в 1929 г. организовал и возглавил Академию сельскохозяйственных наук. В 1930 г. он стал заведовать лабораторией генетики Академии наук СССР (после смерти Ю. А. Филипченко), которая в 1933 г. была преобразована в Институт генетики. Таким образом, под руководством Вавилова оказалось большое число научных учреждений.

На первый взгляд все это свидетельствовало о доверии к Вавилону со стороны государственного и партийного руководства. На самом деле в глазах властей он оставался буржуазным специалистом, за которым необходимо присматривать.

Председателем совета Института прикладной ботаники, «комиссаром» при Вавилоне был Н. П. Горбунов, бывший личный секретарь Ленина. К счастью, он оказался весьма толковым и интеллигентным «комиссаром». Но и Горбунов считал Вавилова буржуазным ученым, что приводило к недоразумениям и прямым конфликтам. Так, в 1929 г. Горбунов «посоветовал» Вавилону отложить экспедицию в Западный Китай в связи с тем, что нужно разворачивать деятельность институтов Академии сельскохозяйственных наук. В письме от 2 июня Вавилов категорически отказался выполнить это требование и подал в отставку, мотивируя свое решение так: «Соглашаясь на взятие тяжелых обязанностей администрирования огромным коллективом, я, конечно, имел право рассчитывать на естественное предоставление свободы в моей научной работе, которая тесно связана со всей работой института... Я никогда не стремился к административным должностям, и не стремлюсь к ним и теперь, и считаю себя более на месте в лаборатории и на поле в качестве научного руководителя, и готов остаться в скромной роли ученого специалиста, самое большое — заведующего отделом полевых культур, но вообще без всяких претензий на какое-либо заведование» [8, с. 51].

Это письмо во многом повторило написанное двумя годами раньше, когда Николай Иванович, вернувшись из экспедиции по странам Средиземноморья и Эфиопии, узнал, что его деятельность как директора института подверглась критике и что эту критику поддержал Горбунов.

Подавая в отставку, Вавилов отверг все обвинения в «недостаточности» руководства и объяснил свою позицию. Смысл ее сводился к тому, что учеными нельзя командовать. Задачу руководителя Вавилов видел в том, чтобы правильно, т. е. в соответствии с реальным научным весом, подобрать кадры и предоставить им полную свободу действий, лишь согласовывая и координируя из работу [19, с. 306 — 310]. Он не жалел никаких сил, «выбивая» квартиры и персональные оклады для своих работников, дополнительные ассигнования и штатные единицы, но всегда категорически возражал против навязывания ученым не интересовавшей их тематики, выступал против бессмысленных реорганизаций, свертывания некоторых работ в целях борьбы с так называемым параллелизмом. По стандартам того времени такой стиль руководства, безусловно, считался буржуазным.

Вавиловский институт то и дело пощипывала пресса. Так, в 1929 г. «Правда» напечатала стихотворный фельетон Демьяна Бедного по поводу якобы состоявшегося освящения фитопатологической лаборатории. Фельетон перепечатали «Вечерняя Москва» и ленинградская «Красная газета», хотя никакого освящения, разумеется, не было: в то время это уже было невозможно. Вавилов послал в газеты опровержение, но его не напечатали. Годом позже в «Правде» появилась статья «Институт благородных ботаников», в которой писалось, что в вавиловском институте свили гнездо бывшие дворяне. Вавилов снова послал в газету свои разъяснения, в которых говорил о том, что в институте работают крупнейшие специалисты своего дела и что большинство из них получило образование еще до революции, когда доступ к нему для рабочих и крестьян был ограничен, поэтому неудивительно, что многие сотрудники института имеют дворянское происхождение. Разъяснения газета тоже не напечатала, и впечатление о том, что ВИР — это прибежище для «бывших», осталось надолго.

Положение Н. И. Вавилова как руководителя особенно осложнилось после

того, как к ВИРу был прикреплен Институт аспирантуры, ранее созданный при ВАСХНИИ. Если приглашая сотрудников в свой институт, Вавилов «буржуазно» интересовался их подлинным научным весом, а не анкетными данными, то для поступления в аспирантуру решающую роль стали играть рабоче-крестьянское происхождение, партийность, неучастие в оппозициях, а не знания и склонность к научной работе. В институте возникло то, что Вавилов мягко называл «дисгармониями». Нарушилась «спайка» работников, которую он особенно ценил. Некоторые аспиранты стали нападать на своих руководителей, обвиняя их в кастовости, идеализме, нежелании делиться своими знаниями. Не могло быть и речи о том, чтобы отчислить кого-либо из крикунов, хотя обвинениями в адрес руководителей они лишь прикрывали собственное неумение или нежелание учиться. Ведь это были не дети помещиков, капиталистов, интеллигентов, а рабоче-крестьянские кадры, на которые Сталин делал основную ставку.

Вскоре обвинения в реакционности всего научного направления, созданного Вавиловым, появились в печати. Относительно того, чем это грозит, Вавилов не питал никаких иллюзий, правда, он верил в здравый смысл, однако окружающая действительность сильно подрывала эту веру. «Шахтинское дело» открыло кампанию против специалистов, в которых власти, казалось бы, так сильно нуждались. Вскоре репрессии коснулись биологов и агрономов, тех, кого Николай Иванович хорошо знал. В архивном фонде ВИРа сохранились копии десятков писем, направленных Вавиловым в ОГПУ, в которых он с самой лучшей стороны характеризовал арестованных ученых. Эти письма говорят о гуманности Николая Ивановича, и они же — свидетельство его бессилия. Единственное, о чем он мог просить, это об использовании арестованных не на общих работах, а по их специальности — в интересах страны, разумеется, а не самих арестованных. А ведь часто речь шла о людях, за которых он мог бы поручиться как за самого себя!

Недавно опубликована переписка Н. И. Вавилова с М. О. Шаповаловым. Она приоткрыла завесу над тем, что думал Николай Иванович о репрессиях. Крупный специалист-растениевод, Шаповалов эмигрировал еще до революции и работал в Министерстве сельского хозяйства США. С Вавиловым познакомился в 1921 г., и они стали друзьями. Шаповалов мечтал вернуться на родину, и Николай Иванович взялся ему помочь. Однако в октябре 1931 г. Вавилов написал своему заокеанскому другу из Берлина: «Пользуюсь случаем написать Вам коротенько причины того, что до сих пор мы не послали Вам официального приглашения к нам.

Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов в СССР. Волна недоверия в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще к интеллигенции. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но немало людей пострадало зря.

Писать об этом неприятно. Многое в прошлом. Но, относясь к Вам дружески, я, конечно, не мог Вас вовлекать в эту пору к нам, и просто ни я и никто из нас не мог Вам гарантировать нормальной работы». (Выделено везде Н. И. Вавиловым. — С. Р.) [20, с. 100].

Это письмо объясняет многое. В частности, загадочные отношения Н. И. Вавилова с Ф. Г. Добржанским, крупным генетиком, который в 20-е гг. был направлен в США на стажировку и решил остаться там навсегда. Николай Иванович горячо убеждал Добржанского вернуться в СССР, обещая самые лучшие условия для работы. Добржанский колебался, что заставляло Вавилова убеждать его с еще большей горячностью. Но внезапно переписка прекратилась — относится это тоже к 1931 г. Теперь ясно, почему.

Травля Вавилова усиливалась. В 1932 г. была опубликована брошюра

лингвиста Г. В. Григорьева, посвященная разгрому вавилонской теории центра происхождения культурных растений. Заявив, что Вавилов «разделяет точку зрения индоевропейского языкознания», Григорьев заключил: «Реакционная, шовинистическая западноевропейская лингвистическая теория производит индогерманцев от какого-то индогерманского пранарода, индогерманской расы... Н. И. Вавилов повторяет любого индоевропейца, забывая о диалектическом характере исторического процесса... Кто научил этого «первобытного земледельца» высочайшей технике ирригации? Царь? Бог? Герой? Где та обетованная индогерманская прародина, в которую в настоящее время верят лишь метафизики и идеалисты?» [21, с. 23]. Такая «критика» в любой момент могла обернуться арестом. Выручало то, что никто из противников не мог, да и не пытался предложить какую-нибудь альтернативу теориям Вавилова, на которых основывалась работа ВИРа и других научных учреждений. Такой альтернативой и стало «мичуринское» учение Т. Д. Лысенко.

«Колхозный ученый»

Настаивая на своей версии о том, будто Вавилов, вопреки оппозиции других ученых, покровительствовал Лысенко, М. Поповский и В. Сойфер невольно останавливаются в недоумении: как же невежда сумел так смощенничать, что провел крупнейшего знатока культурных растений? Поповский выдвигает версию о чрезмерной доверчивости Вавилова, Сойфер говорит о его непонятной слепоте. Но это все равно, что если бы Паганини из-за доверчивости и слепоты признал виртуозом музыканта, лишённого слуха и не умеющего держать смычок!

На самом деле не было ни доверчивости, ни слепоты, а на начальном этапе — даже мошенничества. Лысенко безгранично верил в то, что яровизация на миллионах гектаров колхозных и совхозных полей приведет страну к изобилию. Поэтому о временных, как ему казалось, неудачах он писал вполне откровенно, указывая, что урожай яровизированных посевов колеблется от 27 до 3 центнеров с гектара и что главная причина низких результатов — изреженность всходов, вызванная недостаточным умением и старанием опытников. Именно этого и опасались Вавилов и другие ученые. Неосторожное прикосновение к набухшему и проросшему семени — и росток сломан, а само семя теряет всхожесть. А трогать его надо: лежащее толстым слоем влажное зерно прееет, поэтому его необходимо перелопачивать. Отсюда и изреженность посевов.

Неужели же Николай Иванович не видел того, что видели все ученые?

Но если Вавилов в собственном институте был бессилён обуздать крикунов рабоче-крестьянского происхождения, то как же он мог остановить продвижение «колхозного ученого», симболизовавшего передовую науку, которая спасает озимые хлеба от суровых зим, а яровые — от выжигającego суховея! Оставалось только одно: «цивилизовать» самого Лысенко, направить его энергию в созидательное, а не разрушительное русло.

Как уже говорилось, в сочинениях, письмах и выступлениях Вавилова начала 30-х гг. можно найти немало положительных высказываний в адрес Лысенко. Но Вавилов поощрял только одно: теорию стадийного развития, позволявшую, как тогда казалось многим ученым, глубже проникнуть в природу растений и шире использовать богатства мировой коллекции. Если это была ошибка, то не Вавилова, а всей науки того времени.

Можно лишь удивляться тому, как сегодня ставят в вину Вавилову буквально все, даже то, что он снабжал Лысенко семенами из мировой коллекции. Но ВИР рассылал семена всем желающим, в том числе и школьникам, и пенсионерам, и другим доморощенным любителям. Как же он мог отказать

* Подробнее об этом см. в [22, с. 51 — 52].

одному из крупных научных учреждений, каким был Украинский институт селекции и генетики в Одессе? Да и зачем отказывать? Вавилов как раз был заинтересован в том, чтобы Лысенко проверил на яровизацию как можно больше сортов. К тому же он надеялся, что такая работа увлечет Лысенко и он бросит свои авантюры и станет «нормальным» ученым. Дальнейшее зависело бы от его упорства и готовности учиться.

Эта тактика не привела к успеху, но ее нельзя назвать ошибочной, так как никаких других возможностей противостоять лысенковщине у Вавилова не было. Разве что взяться за «разоблачение» самого Лысенко, т. е. написать статью о реакционности, антимарксизме, идеализме его взглядов, а заодно отправить донос в ОГПУ, в котором назвать его отца кулаком, намеренно укрывавшем зерно, а затем с яровизацией на миллионах гектаров — вредительской и имеющей целью подорвать колхозный строй. Но чтобы пойти по этому пути, Вавилов должен был перестать быть самим собой.

Доказывая, что отношение Вавилова к работам Лысенко в корне отличалось от отношения других ученых, В. Сойфер сталкивает два высказывания. Одно принадлежит Вавилову, который писал, что исследование мирового разнообразия зерновых культур методом яровизации выявило факты большого значения. Второе взято из работы П. Н. Константинова, П. И. Лисицына и Д. Костова, которые, обработав результаты опытов, проводившихся в течение пяти лет, установили, что яровизация не дает увеличения урожая [13, с. 417].

Но если эти точки зрения противоположны, то почему ни Лисицын, ни Константинов, активно участвовавшие в биологических дискуссиях, ни разу не упрекнули Вавилова в том, что он поддерживает антинаучные начинания? И почему Вавилов ни разу не усомнился в научной достоверности их исследований? Объясняется это тем, что противоположность позиций, эффектно сталкиваемых Сойфером, кажущаяся. Речь идет о совершенно разных значениях термина «яровизация». Вавилов касается явления яровизации и его полезности для экспериментального изучения растений, тогда как Константинов и его соавторы говорят о яровизации как об агроприеме. Опыты Константинова подтвердили то, о чем Вавилов предупреждал еще в 1931 г. Следует отметить, что Константинов никогда не высказывался против применения яровизации для исследовательских целей.

В укор Вавилову можно поставить лишь то, что он рекомендовал Лысенко в члены Академии наук Украины (1932) и в члены-корреспонденты Академии наук СССР (1934). Об этих его тактических ходах задним числом можно только сожалеть. Однако Лысенко имел столь мощную политическую поддержку, что рекомендации Вавилова не могли сколько-нибудь существенно усилить его позиции. К тому же остается неизвестным, от кого исходила инициатива этих выдвижений. Кто-то ведь «посоветовал» Вавилову написать рекомендательные письма? Если бы Николай Иванович отказался, то с его стороны это было бы принципиальным поступком. Но это означало бы идти на открытый конфликт, самому дать козыри против «благородных ботаников», не желающих впускать в свой элитарный круг колхозного ученого-орденоносца. Пока не были исчерпаны возможности «мирного сосуществования» с Лысенко, идти на такой конфликт вряд ли было разумно.

Но конфликт был все равно неизбежен, так как Лысенко не сомневался в том, что его главный враг — Вавилов. Поскольку Лысенко мог напрямую обращаться к Яковлеву по любому поводу, он в 1932 г. добился того, что нарком обязал Вавилова всячески содействовать его работе. И Николай Иванович поехал в Одессу. Он сидел с «колхозным ученым» в лаборатории, ходил по опытным делянкам, ездил по колхозам. Яровизируемые посевы были изреженными. Лысенко опять жаловался на то, что его инструкцию плохо выполняют, но факт оставался фактом: на практике его агроприем приносил больше вреда, чем пользы.

Из бесед с Лысенко Вавилов понял, что тот имеет самые дремучие

представления о наследственности. Утверждая, что «воспитанием» можно добиться всего, чего угодно, он дал обещание заставить плодоносить годовалый дуб. Об этом странном обещании, конечно не выполненном, Вавилов вспомнил через три года, говоря об ошибках Лысенко.

В том же 1932 г. Лысенко взял на себя обязательство вывести для Одесской области методом гибридизации за два с половиной года новый сорт пшеницы, урожайность которого будет выше урожайности всех районированных сортов. Обязательство было абсурдным, ибо только сравнительные испытания готового сорта должны проходить на опытных станциях минимум три года. А ведь гибриды расщепляются в потомстве, и, чтобы выделить и закрепить константную форму, нужно вести отбор во многих поколениях. Поэтому выведение сорта обычно длится 10—12 лет, а то и больше. Однако лысенковское обязательство очень импонировало руководству: оно было эффективным, «большевистским». От ученых давно уже требовали сократить сроки выведения сортов до трех-четырёх лет. Напрасно они доказывали, что это нереально, что, если бы удалось сократить срок даже до восьми лет, это уже явилось бы огромным достижением. В принятом в 1931 г. постановлении ЦК партии был записан этот четырехлетний срок. Вот Лысенко и решил утереть нос «благородным ботаникам»: вы, мол, говорите, что за четыре года сорт получить нельзя, а я сделаю это за два с половиной! Реакция ученых была соответствующей. Вавилов, в частности, возражал против браковки гибридов в первом поколении (именно такую методику применил Лысенко).

Вскоре Лысенко выступил с идеей внутрисортного скрещивания, что, по его утверждению, должно было дать повышение урожайности. На практике это означало перепортить все селекционные сорта, что обеспокоило ученых и, конечно, Вавилова, который нес главную ответственность за семеноводство в стране.

В 1935 г. Лысенко отрапортовал телеграммой на имя заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС Я. А. Яковлева, наркома земледелия М. А. Чернова и президента ВАСХНИЛ А. И. Муралова, что обязательство вывести сорт за два с половиной года выполнено, хотя никакого сорта не было, а полученные «номера» не прошли сортоиспытания. Обман был настолько циничным и открытым, что в этом не могли сомневаться даже те, кому была адресована телеграмма. Однако новая победа «колхозного ученого» тогда приравнивалась к очередной победе колхозного строя, а признание его поражения было бы равносильно признанию того, что колхозный строй себя не оправдывает. Как могло пойти на это сталинское руководство после всех тех ужасов, какие принесла народу коллективизация?!

В феврале 1935 г. Сталин сказал свое знаменитое «браво, товарищ Лысенко, браво!», и тогда же внезапно было отменено давно запланированное празднование двойного юбилея: 10-летия ВИРа и 25-летия научной и общественной деятельности Н. И. Вавилова. Затем Вавилов был смещен с поста президента ВАСХНИЛ (назначен одним из вице-президентов). Так подспудно копившееся недовольство вылилось в открытую опалу. И в том же 1935 г. Академия сельскохозяйственных наук отправилась на выездную сессию в Одессу. Почему для этого была выбрана вотчина «колхозного ученого» — объяснять не приходилось. И именно здесь, «на поле противника», Вавилов открыто схлестнулся с Лысенко по целому ряду принципиальных вопросов биологической науки: о браковке гибридов первого поколения, перекрестном опылении самоопылителей, об инцухт-гибридах кукурузы...

Если Сойфер утверждает, что «только в 1936—1937 гг. Вавилов осознал, человеком какого сорта был его протееж» [13, с. 417], то это не новый взгляд на эру Лысенко, а повторение ошибочных построений Поповского.

Дорога на эшафот

Анализируя материалы дискуссий по вопросам генетики, можно обнаружить немало ошибок, допущенных защитниками этой науки. Можно обнаружить и худшее: то, что Николай Иванович с грустной иронией называл «направленными мутациями» в умах ученых, переметнувшихся в лагерь Лысенко, и в качестве примера приводил высказывания академика Б. А. Келлера, который в 1933 г. писал об огромных успехах генетики, а позднее присоединился к Лысенко, громившему генетику как буржуазную лженауку. Еще более чувствительный удар нанес Вавилову И. Г. Эйхфельд, заведующий полярной станцией ВИРа, где велись исследования по продвижению земледелия на север. Вавилов гордился работами полярной станции и ссылаясь на них тогда, когда доказывал, что ВИР приносит пользу практике. Но Эйхфельд заявил, что всегда работал методами Лысенко, а не Вавилова. (Предательство было вознаграждено. После ареста Вавилова Эйхфельд был назначен директором ВИРа. Позднее он стал президентом Академии наук Эстонии, где насаждал лысенковщину даже после падения Лысенко.)

Кроме столь открытой «мутации», можно привести примеры конъюнктурного лавирования, которое также ослабляло позиции генетиков. На начальном этапе дискуссий в этом отношении особенно выделился саратовский селекционер Г. К. Мейстер, выдающийся ученый, автор блестящих работ по отдаленной гибридизации и создатель превосходных сортов пшеницы, занимавших миллионы гектаров. В 1934 г. он опубликовал работу, в которой подверг критическому анализу основные законы наследственности и вслед за Лысенко заявил, что генетика оторвана от запросов сельского хозяйства. Позиция Мейстера импонировала новому президенту ВАСХНИЛ А. И. Муралову, а значит, и тем, кто его назначил: Чернову, Яковлеву, Сталину. В 1935 г. Мейстер стал вице-президентом ВАСХНИЛ. На дискуссионной сессии в декабре 1936 г. Мейстер решительно отмежевался от Вавилова и других сторонников классической генетики. Он присоединился к нападкам на нее со стороны Лысенко и Презента, хотя осудил их за крайности. Влияние Мейстера стало столь значительным, что в 1937 г., после ареста Муралова и до собственного ареста, он несколько месяцев исполнял обязанности президента ВАСХНИЛ. Любопытно, что Поповский причисляет Мейстера к самым непримиримым противникам Лысенко, в противоположность Вавилову, который якобы его поддерживал!

Даже среди тех, кто защищал генетику, не было единства, столь необходимого в той сложной ситуации. Весьма характерна с этой точки зрения позиция Н. П. Дубинина, одного из самых молодых участников дискуссии. Дубинин вырос и сформировался как ученый после революции и вполне усвоил боевой лексикон своего времени. Если Вавилов, Кольцов, Серебровский и другие представители классической генетики вели дискуссию строго в рамках обсуждавшихся научных проблем, если они были весьма сдержанны в выражениях и стремились к тому, чтобы перенести спор с общественной трибуны в лаборатории и на опытные делянки, то Дубинин пускал в ход то же оружие, что и Лысенко и Презент: он обвинял оппонентов в идеализме, антимарксизме, антидарвинизме и т. п. То же самое он говорил и об ученых-генетиках, особенно о своих учителях Кольцове и Серебровском. В идеализме он обвинял и Вавилова. Те, кто следил за дискуссией со стороны, могли из этого сделать лишь один вывод: обвинения в адрес генетиков не беспочвенны, коль скоро они повторяются представителем их собственного лагеря. Между тем Дубинин до сих пор убежден, что его выступления были единственно правильными и что разгром генетики произошел потому, что Кольцов, Серебровский, Вавилов и другие лидеры не стали бичевать самих себя [15, 23].

На декабрьской сессии 1936 г. академик Кольцов выступил с превосходной речью, в которой заявил, что вместо того, чтобы критиковать генетику, нужно учиться генетике. Однако персонально этот призыв он адресовал не Лысенко, а... Вавилову, сказав, что тот недостаточно знает эту науку, так как не

работает с дрозифилой. Нетрудно понять, какое впечатление такие заявления производили на тех руководителей, которые, возможно, еще не окончательно определили свое отношение к спору: если Кольцов говорит, что сам Вавилов не знает генетики, то эта реакционная заумь действительно никому не нужна!

Восприняв результаты декабрьской сессии как катастрофу, Кольцов обратился в президиум ВАСХНИЛ с призывом «спасать науку» от полного разгрома и собрать новую, «узкую», сессию (т. е. одних членов академии), чтобы еще раз обсудить спорные вопросы, но на высоком научном уровне. К сожалению, этот мужественный поступок уже не мог принести пользу науке. Президиум ВАСХНИЛ требование Кольцова отклонил. В протоколе от 16 января 1937 г. говорится, что решение принято тремя голосами (А. И. Муралов, Г. К. Мейстер, Д. С. Марголин) при двух воздержавшихся (Н. И. Вавилов, М. М. Завадовский). Воздержавшиеся согласились с Кольцовым, что «на данной стадии более отчетливо видны отрицательные результаты дискуссии», однако высказали оптимистическое мнение, что в «дальнейшем постановка экспериментов и разработка спорных вопросов окажутся полезными с точки зрения интересов науки». Направляя Кольцову это решение, Муралов сопровождал его крайне агрессивным письмом, в котором обвинил ученого в мракобесии, расизме и прочих грехах, повторив от своего имени клевету лысенковцев.

Что касается Николая Ивановича Вавилова, то его иногда упрекали в том, что в дискуссиях он не стремился разоблачать своих противников и придерживался в основном оборонительной тактики. Конечно, тактические ошибки сторонников генетики осложняли их и без того трудное положение, однако решающего значения они не имели, до и компенсировались ошибками лысенковцев. Чего стоит хотя бы нашумевшая история с опровержением законов Менделя ученицей Лысенко Н. И. Ермолаевой. Повторив классические опыты Менделя с горохом, Ермолаева торжествующе заявила, что при расщеплении гибридов во втором поколении получаются самые разные соотношения, а вовсе не классическое 3:1. Однако, ознакомившись с данными Ермолаевой, генетики увидели, что эти данные полностью соответствуют соотношениям Менделя. В качестве третьей стороны был привлечен выдающийся математик А. Н. Колмогоров. Проанализировав данные с точки зрения теории вероятностей, он опубликовал статью под названием «Об одном новом подтверждении законов Менделя». Одна эта ошибка лысенковцев перевешивала все тактические просчеты, допускавшиеся Вавиловым, Кольцовым, Дубининым и другими генетиками.

Почему же крупнейшие ученые, превосходившие во много раз своих противников уровнем знаний, эрудицией, методической подготовленностью, а главное тем, что на их стороне была научная истина, почему же они потерпели поражение? Да потому, что дискуссия не носила научного характера. Под видом научного спора проводилась политическая кампания. Новая, «социалистическая» наука утверждала свое превосходство на старой, «буржуазной». Итог борьбы был предрешен. Не случайно Берия, требуя от Молотова согласия на арест Вавилова, инкриминировал ему «травлю академика Лысенко». В этом и была истинная вина Вавилова перед тоталитарной властью, хотя официально ему были предъявлены другие обвинения.

Следует ли из сказанного, что Лысенко был главным виновником гибели Вавилова? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что при всем могуществе «колхозного ученого» в его распоряжении не было ни НКВД, ни тюрем, ни «троек», ни ГУЛАГа. Все это находилось в других, куда более сильных руках... Лысенко не был ни автором, ни режиссером спектакля — он лишь умело исполнял отведенную ему роль.

Подводя итог, можно сказать, что не Вавилов наделил могуществом Лысенко и что Лысенко был лишь одним из многих виновников гибели Вавилова. Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стане обскурантов, человеком высокой морали среди негодяев. Неудивительно, что

участь Вавилова разделили десятки преданных науке ученых, а с ними и сама наука — генетика.

Список литературы

1. Рядом с Н. И. Вавиловым: Сб. воспоминаний. М., 1973.
2. *Cohen V. M.* Life and work of N.I.Vavilov: Dissertation / Texas University, 1980.
3. *Резник С.* Николай Вавилов. М., 1968.
4. *Medvedev Zh.A.* The Rise and Fall of T. D. Lysenko. N. Y.; L., 1969.
5. *Поповский М.* 1000 дней академика Вавилова // Простор. 1966. № 7—8.
6. *Медведев Ж.* У истоков биологической дискуссии // Новый мир. 1967. № 4.
7. *Поповский М.* Дело академика Вавилова. Нью-Йорк, 1983.
8. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929—1940 гг. М., 1987. (Научное наследство. Т. 10).
9. *Бахтеев Ф. Х.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 1987.
10. *Альбац Е.* Гений и злодейство // Моск. новости. 1987. 15 нояб.
11. Сообщение ТАСС // Сов. культура. 1987. 26 нояб.
12. *Тахтаджян А.* Континенты Вавилова // Лит. газета. 1987. 25 нояб.
13. *Soifer V.* New Light on Lysenko's Era // Nature. 1989. Vol. 339. 8 June.
14. *Федорович В.* Поля зимой // Правда. 1927. 7 авг.
15. *Дубинин Н. П.* Генетика — страницы истории. Кишинев, 1988.
16. *Лысенко Т. Д.* Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растений. Опыт со злаковыми и хлопчатником // Тр. Азербайджанской центральной опытно-селекционной станции. Вып. 3 (1928).
17. *Вавилов Н. И.* Привет Всесоюзному съезду по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству // Ленингр. правда. 1929. 10 янв.
18. *Лысенко Т. Д.* Выступление Лысенко Т. Д. // Правда. 1935. 15 февр. (Второй съезд колхозников-ударников).
19. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1911—1928 гг. М., 1980. (Научное наследство. Т. 5).
20. Письмо Н. И. Вавилова М. О. Шаповалову от 7 октября 1931 г. // Природа. 1987. № 10.
21. *Григорьев Г. В.* К вопросу о центрах происхождения культурных растений. (Разбор теории академика Н. И. Вавилова). Л., 1932.
22. *Резник С.* Дорога на эшафот. Нью-Йорк; Париж, 1983.
23. *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1989.

Э. Д. МАНЕВИЧ

А. С. СЕРЕБРОВСКИЙ И БОРЬБА ЗА ГЕНЕТИКУ

Александр Сергеевич Серебровский (1892—1948) стоял у истоков развития генетики, он был одним из ее основоположников в Советском Союзе. Становление этой науки в нашей стране имело свою специфику. Вокруг нее шли идеологические и методологические баталии, в которых Александр Сергеевич принимал активное участие.

Дискуссии по вопросам философии и естествознания 20-х—начала 30-х годов

Начавшиеся в середине 20-х годов философские дискуссии оказали огромное влияние на судьбу генетики. Отправным пунктом для этих дискуссий послужила статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», написанная в 1922 г. [1]. В ней рассматривались главным образом задачи, стоявшие перед журналом «Под знаменем марксизма». Ленин, в частности, указал на необходимость

союза с представителями современного естествознания, «которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его...» [1, с. 29].

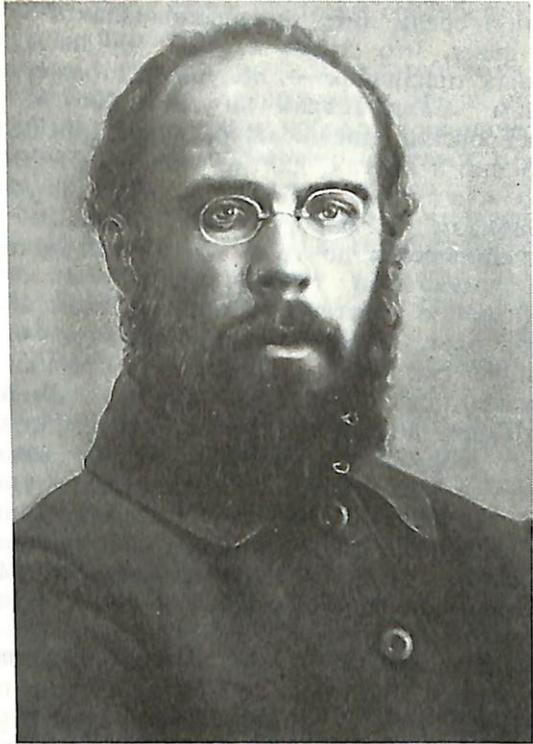
Следуя этому положению, начались бурные дебаты среди философов и естественников по различным проблемам биологии, психологии, физики и других наук. Еще одно событие отразилось на направлении происходивших дискуссий. В 1925 г. впервые не только на русском, но и на немецком языке была опубликована «Диалектика природы» Ф. Энгельса [2]. Изучение этой работы стало обязательным для всех занимавшихся естественными науками. Для биологов особое значение имели высказывания Энгельса о роли труда в очеловечении обезьяны, ибо одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на дискуссиях по проблемам естествознания, был вопрос о наследовании или ненаследовании приобретенных признаков.

Оплотом ламаркизма (признание наследования приобретенных признаков) в этот период был Институт

им. К. А. Тимирязева, созданный в 1924 г. Главную роль в работе института играли физик А. К. Тимирязев, философ А. И. Варьяш, химик С. С. Перов и ботаник Г. Г. Боссэ. Несмотря на то, что основной задачей института они считали изучение и пропаганду естественнонаучных основ диалектического материализма, эти «сторонники диалектического материализма» объявили, что естествознание должно быть механистическим и отклонили все новейшие его достижения, включая квантовую механику, теорию относительности (против нее особенно яростно выступал А. К. Тимирязев) и генетику, т. е. все, что не укладывалось в механистическую картину мира.

Еще одним очагом ламаркизма была Биологическая лаборатория, организованная в 1926 г. в Секции естественных и точных наук Коммунистической академии. Лаборатория занималась вопросами, связанными с наследованием приобретенных признаков. Для работы в эту лабораторию был приглашен Пауль Каммерер.

Исследователи, считавшие себя материалистами, были твердо убеждены, что подлинной причиной изменчивости являются только внешние условия. Представление о внутренних факторах изменчивости рассматривалось как нечто мистическое, нематериальное. Насколько эта точка зрения стала распростра-

А. С. Серебровский. Конец 20-х годов. Фотография из семейного архива.

* Коммунистическая академия — учебное и научно-исследовательское учреждение, основанное в 1918 г. До 1919 г. называлась Социалистическая академия общественных наук, до 1924 г. — Социалистическая академия. В 1936 г. слилась с Академией наук СССР.

** Пауль Каммерер (1880—1926) — немецкий зоолог, сторонник теории наследования приобретенных признаков. Научные результаты его опытов подвергались многочисленным проверкам и неоднократно опровергались, так как вызывали недоверие у подавляющего большинства ученых. Каммерер так и не приступил к работе в лаборатории: он покончил жизнь самоубийством в 1926 г.